

Пропедевтика

Propaedeutic / Propädeutik

УДК 1:003:008

Миронов В.В.

Письменность и книгопечатание как фундамент классической культуры

Актовая лекция, прочитанная 3 февраля 2015 г. в Шуваловском корпусе МГУ имени М.В. Ломоносова

Миронов Владимир Васильевич, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, декан Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Философского факультета
E-mail: dean@philos.msu.ru

В статье обсуждается ряд проблем, характерных для эпохи формирования классической культуры. Анализируются вопросы соотношения устной речи и письменности, соотношения печатной и электронной культуры. Печатная культура рассматривается как субстанциональная основа классической культуры, в фундаменте которой лежит текст. Показано, что время формирования классической культуры оборачивается к нам процессом формирования «культуры вообще», которая, в свою очередь, может быть проинтерпретирована как «Текст с большой буквы». Проводится мысль, что 1) возникшая письменность формирует новый тип интеллекта, отличный от эпохи устного текста, 2) письменность становится посредником между миром и человеком; 3) начиная смотреть на мир сквозь призму грамматики, мы тем самым отстраняемся от жизненного бытия. Аргументируется, что в каком-то смысле современный человек возвращается к некоторым элементам дописьменной культуры, что находит свое выражение в возрастающей значимости процессов визуализации и виртуализации современной коммуникации. Прослеживается проявление этих процессов в системе образования.

Ключевые слова: письменность, книгопечатание, классическая культура, текст, коммуникация, электронная культура, печатная культура, интеллект, смысл, слово, грамматика, событие, фиксация смыслового содержания, языковое пространство, образование.

Современному человеку, погруженному в систему современной коммуникации и электронной культуры трудно осознать, что этому предшествовал долгий путь развития, начиная с длительного периода доминирования устной речи до момента возникновения письменности, а затем и печатной культуры. Именно печатная культура является основой того, что часто обозначают классической культурой, а если учесть, что субстанциональной основой данной культуры был текст, то, по сути, именно с этого момента можно (с определёнными оговорками) говорить о культуре вообще как о Тексте с большой буквы. В свою очередь, язык фиксирует и несёт нам информацию об особенностях становления того или иного общества, отражая особенности коммуникации между конкретными индивидами, которая в данном обществе закрепляется.

«Каждый язык в своём возникновении и развитии связан с некоей общностью людей (Gemeinschaft) Он отражает её особенности и судьбы» [Бах 1956, с. 15].

В начальный период человек мог фиксировать смыслы речи лишь устным образом, что уже в силу этого не могло быть широко распространённым и всегда было привязано к узкой конкретной общности. Фиксация смыслов, выражаемых звуками, конечно, постепенно развивалась, но была жёстко локализована пространством и характером общения. Это была непосредственная связь человека с миром и человека с другим человеком, как мыслящих существ этого мира. М. Маклюэн замечает, что

«бесписьменные народы в гораздо большей степени ощущают своё единство с миром, в котором они живут, чем это свойственно письменным народам.

МИРОНОВ В.В. ПИСЬМЕННОСТЬ И КНИГОПЕЧАТАНИЕ КАК ФУНДАМЕНТ КЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Чем более "письменным" становится какой-либо народ, тем больше усиливается разобщённость между ним и его миром» [Маклюэн 2005, с. 114].

Возникшая письменность становится посредником между миром и человеком, формируя совершенно иной тип интеллекта.

Древнеегипетский бог Тот, почитавшийся как изобретатель иероглифов, письменности и календаря, покровитель библиотек, ученых и чиновников. Суд Осириса (фрагмент). Папирус Ани. XIX династия (ок. XIII в. до н.э.)

Почитавшиеся как создатели шумерской письменности главные боги шумеро-аккадского пантеона Энлиль и Энки у священного дерева. Барельеф из Накше-Рустама

Голова вавилонского бога мудрости и письменности Набу. Храм Набу, Нимруд (ок. 810—800 гг. до н.э.)

Создатели древнегреческой письменности: слева — Гермес (наверху; краснофигурная керамика о сцене из Илиады, 480—470 гг. до н.э.); участник Троянской войны Паламед (внизу; медальон из издания Г. Руйо 1553); справа — основатель Фив внук Посейдона Кадм (краснофигурный кратер, ок. 350—340 до н.э.)

Современный человек, используя устную речь, на самом деле вынужден говорить «по-написанному», кроме, может быть, детей на ранней стадии развития. Мы смотрим на мир сквозь призму грамматики и тем самым отстраняемся от жизненности бытия. Часто бывает, что, оказавшись в некоей ситуации, требующей от нас реального действия, мы вспоминаем, что читали по этому поводу, вместо того, чтобы приспособиться к ней или овладеть ею. Это совершенно иная логика поведения, которая отличает современного человека от «бесписьменного», для которого «реальностью является то, что происходит» [Маклюэн 2005, с. 115].

Забегая вперёд, отметим, что на сегодняшней стадии развития культуры человек в каком-то смысле возвращается к схожей ситуации, обусловленной процессами визуализации и виртуализации современной коммуникации. Правда, реальностью здесь начинает выступать не просто то, что происходит, а то, что конструируется средствами коммуникации как событие.

Культура устного периода требовала достаточно развитой степени абстрактного мышления в силу того, что оно оперировало словами. В устной коммуникации слово выступает мельчайшей организующей единицей передачи информации. Но с самого начала слово в силу своих фонетических особенностей порождает и особый тип творчества — словотворчество как особую игру звуков. Из слова возникает множество совершенно новых элементов культуры, которые тем или иным образом основаны на упорядочивании слов. В частности, как отмечал С.С. Аверинцев, философия также порождена словом. Она получает «импульсы от энергии слова» [Аверинцев 2004, с. 106], и можно сказать, что эти импульсы получает вся человеческая культура, которая благодаря слову становится культурой смысловой или культурой разнообразных смыслов.

«Мыслительная работа не столько предшествует работе над словом, сколько идёт с ней рука об руку, перекрещиваясь в непредсказуемых пересечениях» [Аверинцев 2004, с. 109].

Именно слово постепенно формирует язык той или иной культуры, закрепляя систему значений за конкретным понятием и одновременно, выстраивая смысловые культурные границы, локализуя конкретную культуру, превращая культуру в целом в некую систему кластеров, взаимосвязанных между собой, но имеющих и собственную специфику. Слово изначально «отрывает» от реального объекта его материальную сущность фонетически модифицируя материальность в звуковую форму, создавая упорядоченный мир звуков с закреплёнными за ними смыслом. Это даёт возможность оперирования смыслами без визуального восприятия самого предмета. Одновременно, оторвавшись от своего материально-визуального смыслового носителя (от объекта изображённого или реального) и перейдя в более абстрактную плоскость, слово перестаёт быть просто обозначающим нечто и порождает собственное внутреннее смыслообразование, которое может уже само может стать источником визуализации.

Слово как речевое абстрактное образование становится важнейшей единицей коммуникации, формируя смысловую систему, которая способна хранить и передавать информацию. Вполне естественно, что это порождает необходимость возникновения разнообразных форм фиксации значения слов в качестве не просто перенесённого визуального образа,

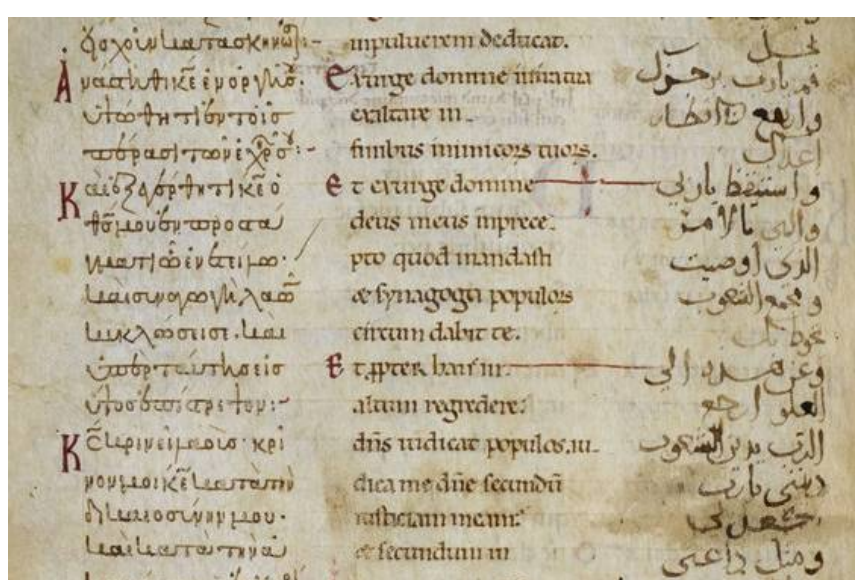
Миронов В.В. Письменность и книгопечатание как фундамент классической культуры

например, в виде наскального изображения, а в особой форме абстрактной письменной фиксации. Это позволяет закрепить за словами в во внешней, письменной форме значения, которые они обозначают, то есть превратить их в понятия. Можно сказать, что письменность возникает как своеобразная реализация потребности в фиксации смыслового содержания, необходимости хранения и передачи информации.

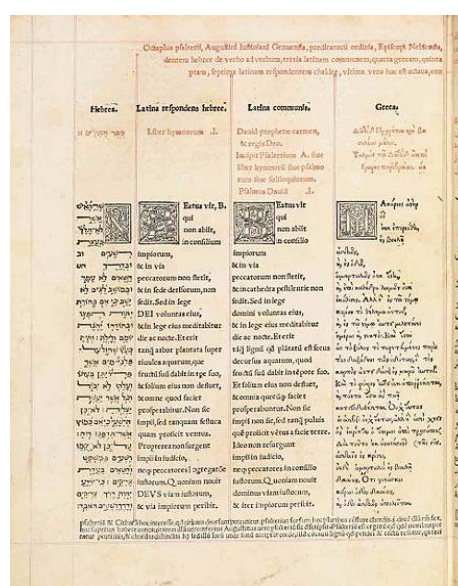
Слово начинает жить «собственной жизнью», порождая значения, в которых смешивается реальность, фонетическое звучание и её особенности и понятийные конструкции. Возникает текст как фиксированное и упорядоченное множество слов, который становится информационной единицей системы коммуникации, в рамках которой смыслы и значения фиксируются по некоторым правилам. Изначально текст выступает просто как вспомогательное средство фиксации того, что произносилось устно. Особенно это характерно для периода создания рукописей, которые были распространены в замкнутом культурном пространстве и часто существовали в единичных экземплярах. Текст в его рукописном виде, замыкаясь рамками конкретного языка, фактически фиксирует смыслы данной культуры, выстраивая локальную языковую систему, которая содержит в себе тенденцию локализации культуры. Проникновение в смысл другой культуры опосредуется пониманием семиотических особенностей, иначе говоря, знанием языка другой культуры. Это приводит к выстраиванию локальной языковой системы, которая отделяет другую культуру (тексты других культур) от себя за счёт семиотических границ. В тоже время эта локальность носит относительный характер за счёт вариантов её преодоления, особенно в сфере научного знания. Здесь как бы формируется особое языковое пространство, пронизывающее все культуры по «горизонтали» научного или религиозного знания для людей, которые занимаются этим профессионально. Обеспечивается функционирование такого языкового образования за счёт принятого единого языка, например, латыни в средневековье. Но одновременно латынь (как общий язык) задаёт иной другой тип локальности, связанный с возможностью освоения данного языка, то есть ограничивая круг людей способных понимать данные тексты. Более того, эта локальность латинского языка всячески культивируется как признак принадлежности человека к высокой культуре, к науке и т.д. Таким образом, текст из вспомогательного средства коммуникации превращается в нечто более важное. Он становится своеобразным фундаментальным кирпичиком культуры, а коммуникация развивается как система ретрансляции смыслов, зафиксированных в том числе и в текстах, что стимулирует её развитие¹.

¹ Как только средства коммуникации получают мощное технологическое обеспечение, они, как это происходит в наше время, трансформируют коммуникацию из средства общения в её самоцель.

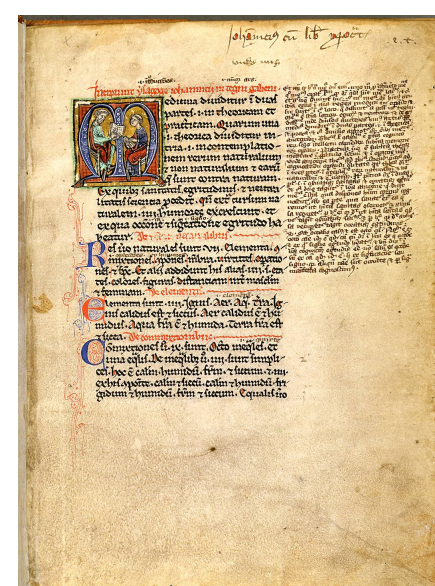
Смыслы культуры фиксировались в письменной форме, что необходимо вело к трансформированию и развитию всей системы понятий и прежде всего их упорядочиванию. Фактор упорядоченности, нацеленный на оптимизацию хранения информации, мог иметь целью как передачу данной смысловой информации другим, так и, напротив, задачу её сокрытия от других. В любом случае смыслы культуры были закодированными, но был и механизм раскрытия этих кодов, даже без прямого погружения в иную культуру — перевод (расшифровка, раскодирование) смыслов, зафиксированных в письменной форме, на другой язык. Возник новый вид деятельности, созданный человеческой культурой и с помощью которой культурное пространство человечества стало расширяться.

Греко-латинско-арабская Псалтирь.
До 1153 г.

Левая страница Генуэзской Псалтири 1516 г.: еврейский текст, латинский перевод Иеронима с еврейского текста, Галликанская Псалтирь (перевод Иеронима с греческого), греческий текст

Медицинский трактат «Isagoge Iohannitius in Tegni Galieni» Хунайна Ибн Исхака (808—873), переложение греческой «Ars medica» Галена, на арабском и латыни. Между 1210 и 1230

Письменность стала переходной формой к книгопечатному способу распространения информации. С одной стороны, она уже упорядочивала информацию по неким правилам, давая возможность сохранения информации. С другой стороны, она была слишком локализована даже географическим пространством и рассматривалась, прежде всего, как просто средство фиксации устной речи. Благодаря письменности стали вырабатываться правила устной речи, её своеобразные

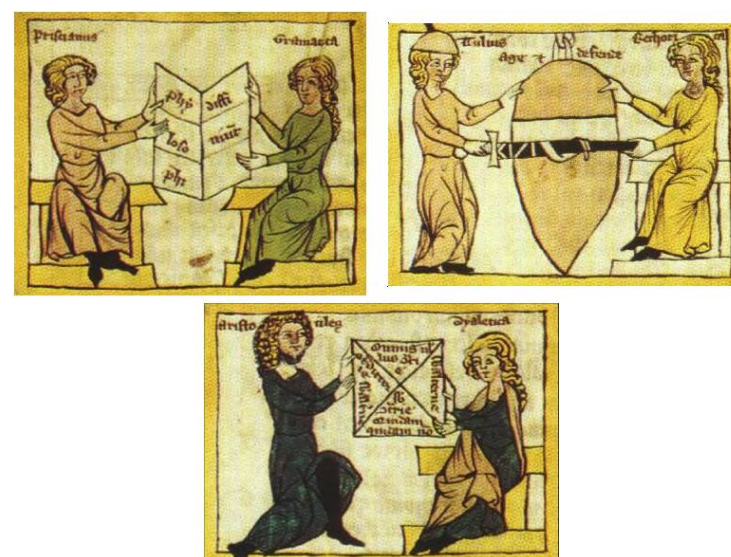
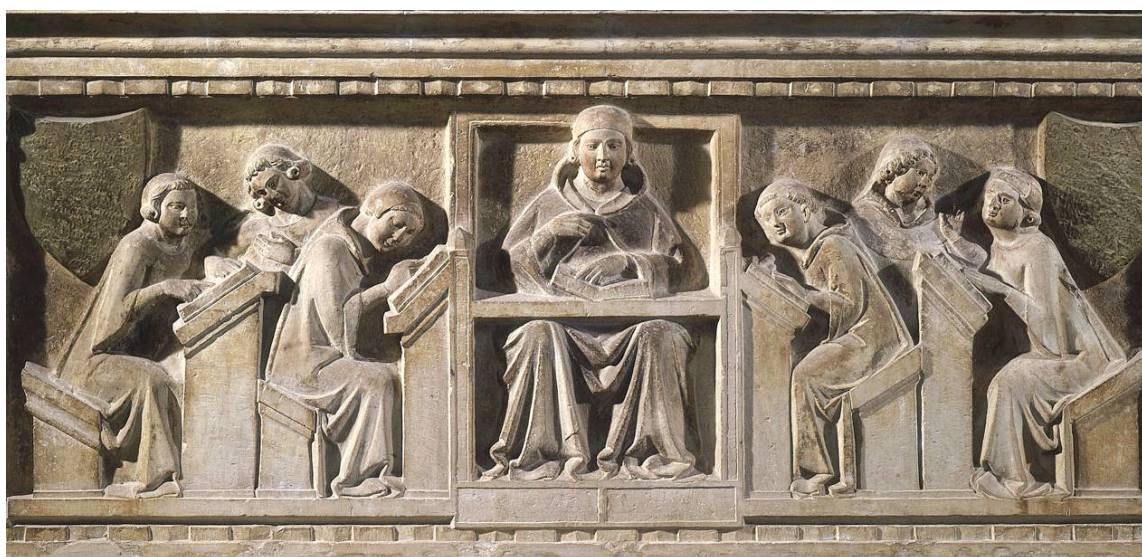
Миронов В.В. Письменность и книгопечатание как фундамент классической культуры

образцы. Тем не менее, в этот период связь письма с устной речью была очень большой, и рукописи часто были лишь фиксацией того, что было произнесено устно. М. Маклюэн отмечает:

«"Письмо" в средневековом смысле было не только устной деятельностью, но даже формой ораторского искусства, или тем, что в то время называлось *pronuntiatio* [Речь, декламация (лат.) — прим. переводчика книги], которое составляло пятый основной раздел нормативного риторического учения... "Искусство письма почиталось столь высоко, потому что в нём видели доказательство прочной устной учёности"» [Маклюэн 2005, с. 141].

В этот период средневековья, о котором пишет Маклюэн, доминирует устная речь. Письменность здесь выступает как приложение к устной речи, как особый механизм, обеспечивающий её качество или, говоря средневековыми терминами, «учённость». Она ещё не носит такого самостоятельного характера, который приобретает позже. Это на самом деле очень серьёзное обстоятельство, так как оно обеспечивает своеобразную «чистоту» данного естественного языка, не обременённого пока корреляциями других языков. Это замкнутая система и даже, как пишет, например, У. Эко, холистическая система, в которой именно эта целостность и замкнутость обеспечивают естественность конкретного языка, который «предполагает определённое видение мира. Согласно некоторым теориям, естественный язык приспособлен для выражения определённого реального опыта, но не опытов, реальных для других естественных языков» [Эко 2007, с. 31].

Доминирование устной речи объясняет «ранний возраст поступления в средневековый университет. Для того, чтобы научиться как следует писать, студенты начинали курс в возрасте двенадцати-четырнадцати лет» [Маклюэн 2005, с. 141], а студенты колледжей были моложе десяти лет. Продолжительность обучения была огромной, так как базировалось на системе зубрёжки, чтения вслух и запоминания, в частности, мёртвой латыни, и умения воспроизводить тексты наизусть, а возможность распространения рукописных источников была ограниченной. То есть в основе обучения лежали прежде всего механизмы, включающие работу речевой памяти. Такой принцип обучения необходимо был последовательным и всеохватывающим (университетским).

Слева — профессор и студенты Болонского университета, рельеф 1333 г.; справа — миниатюры XIII в. с изображением тривиума (trivium, букв. перекрёсток трёх дорог) — трёх гуманитарных наук — грамматики, риторики и диалектики, — составлявших в средневековом университете первый и главный цикл «семи свободных искусств»

Роль грамматики в этот период заключалась не в освоении структуры текста, помогающего выстраивать смыслы. Она

«была нужна для выразительного чтения и переписывания латинских текстов. Грамматика, таким образом, служила прежде всего тому, чтобы способствовать правильности устной речи». Акцент на правильности устной речи для средневекового человека — своего рода эквивалент нашего визуалистского представления о том, что образованность предполагает точность цитирования и умение править текст» [Маклюэн 2005, с. 142].

МИРОНОВ В.В. ПИСЬМЕННОСТЬ И КНИГОПЕЧАТАНИЕ КАК ФУНДАМЕНТ КЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Грамматика (из серии «Семь свободных искусств»): слева — на фреске Джотто да Фабриано (конец XIV — начало XV вв.); в центре — на гравюре Георга Пенца (первая половина XVI в.); справа — на гравюре Яна Саделера по рисунку Мартена де Вос (после 1575 г.).

В настоящее время мы переживаем переход к образно-визуальным методам образования (демонстрация аудио-видео-материалов), который легко воспринимается обучающимися, и даже сталкиваемся с определённым протестом с их стороны, когда такой визуальности в лекциях нет или мало. Необходимо понимать, что это не вина или ущербность современных людей, а их постепенно погружение уж в иную культуру, причём быстрое погружение, которое стимулируется технологическими возможностями современного общества. И в этом нет ничего необычного, кроме, может быть, темпа изменений. На таком же перепутье оказались и университеты средневековья в середине тринадцатого века.

«...все возрастающее количество книг сделало возможным для многих преподавателей отказаться от метода *dictamen*, или диктовки, чтобы ускорить обучение. Однако этот медлительный метод все ещё оставался популярным» [Маклюэн 2005, с. 142].

Более того, студенты, которым в этот момент предписывали читать книги вместо диктовки тех или иных положений в процессе обучения, протестовали против этого.

«Студенты цеплялись за диктовку. Ибо диктовка до этого времени не только замедляла лекцию и снабжала студентов дополнительными текстами, но и составляла метод основного курса — *modus legendi libros* ... Возможно также, что некоторые студенты записывали тексты под диктовку в коммерческих целях» [Маклюэн 2005, с. 143].

Студенты Болонского университета.
Барельеф XIII в. из кафедрального собора
Болоньи

Студенты Парижского университета: слева — на миниатюре конца XIV в.
из «Больших французских хроник», справа — в классе теологии
на книжной миниатюре XV в.

Поскольку доминировала устная речь, а письменность выступала как прежде всего записи этой устной речи, вырабатывались методики разного типа диктовки и декламации, связанные с её скоростью, которые дифференцировались для студентов различного уровня подготовки. Человек, овладевший умением понимания быстрой речи, значительно выигрывал в возможности получения большего количества материала, что выступало в конечном счёте серьёзным преимуществом.

Таким образом, и сегодня мы не должны удивляться тому, когда в процессе образования происходят изменения, которые, сознательно или нет, начинают опираться на новейшие технологии передачи информации. Так было всегда — и всегда это было весьма непросто как для преподавателей, так и для обучаемых. Студенты не становятся сегодня более плохими. Они выпестовываются из динамически развивающейся культуры, впитывая изменения, которые в ней происходят. Конечно, при этом всегда происходят потери, связанные с утратой навыков, присущих предшествующей стадии развития культуры, но также всегда приобретаются и новые способности. Точно также и преподаватели не всегда могут

МИРОНОВ В.В. ПИСЬМЕННОСТЬ И КНИГОПЕЧАТАНИЕ КАК ФУНДАМЕНТ КЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

адаптироваться к новым возможностям, к новым технологиям. Эффективным здесь является лишь движение навстречу друг другу, ибо в противном случае, в силу нарастания темпов изменения, разрыв может оказаться невозможным.

Другая особенность письменности, которая имела важное значение для развития культуры, — это линейное упорядочивание устной речи. Речь перешла из стадии произнесения и прослушивания на стадию упорядоченного некими правилами записывания. Более того, устной речи стали учиться на основании зафиксированной линейной письменности. Именно поэтому (не считая технических и материальных ограничений) письменная речь не могла носить массового характера. Это был удел избранных. Не просто приобщённых, как сегодня, к грамоте, а погруженных почти в реальное таинство письменности и рукописей.

Для монахов средневековья, указывает Умберто Эко, уничтожение ценной рукописи было страшным преступлением, но одновременно и демонстрацией собственных возможностей её цитирования по памяти, буквально с указанием страниц. Демонстрация возможностей памяти, что особенно наглядно для современной молодёжи, не помнящей номеров телефонов (и это не их вина, а отражение стадии развития культуры), было во времена средневековья вершиной учёности. «В общем, Хорхе — это была олицетворённая память книгохранилища, живой дух скриптория», — так оцениваются возможности памяти одного из героев романа «Имя Розы» [Эко 2004, с. 72]. Человек (Хорхе), а точнее, память данного человека, приравнивается к памяти книгохранилища. Рукописи мертвы без памяти человека. Он здесь выступает как «запечатлитель». Какое ёмкое слово! Это тот, кто мог в буквальном смысле этого слова запечатлеть, то есть как бы впечатать в свою память. В этом же отрывке мы встречаем и понятие «полуувядшая память», то есть память, переутомлённая образами, возникающими в сознании по поводу того, что запечатлено. Такое восприятие было доступно не многим и не могло носить массового характера.

Фундаментальность устной речи здесь доминирует как особое свойство человеческого сознания и проявляется в том, что на первых порах чтение текста, по сути, было внутренним проговариванием.

«В средние века, как и в античности, читали не так, как сегодня (т.е. в основном глазами), а губами, произнося видимые глазом буквы, и ушами, прислушиваясь к произносимым словам, т.е. к тому, что называется 'голосами страниц'. Это было именно акустическое чтение...» [Маклюэн 2005, с. 134].

Более того, чтение, сопряжённое с проговариванием (с прочтением вслух), рассматривалось как особое умение дать возможность услышать. Мир уха (слуха) доминирует. Умение слышать воспринимается как особое свойство человека, особый вид деятельности.

Культурный взрыв происходит тогда, когда книгопечатание начинает эту линейность тиражировать, а, следовательно, линейное отношение к миру проникает на все уровни сознания. Происходит закрепление систематического линейного мировоззрения как способа объяснения всего линейной и замкнутой структурой, в качестве которой выступает и весь мир в целом, от законов классической физики до линейной концепции развития общественных формаций у Маркса.

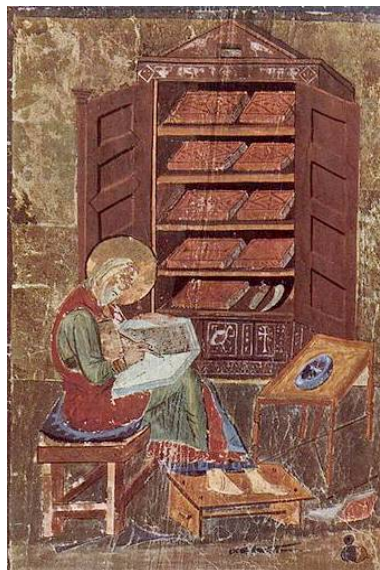
«В соответствии с картезианским идеалом классическая физика рисовала нам вселенную как своего рода гигантский механизм, который можно описать с абсолютной точностью посредством локализации его частей в пространстве и их изменений с течением времени... Но такая концепция покоилась на нескольких неявных гипотезах, допускаемых почти бессознательно. Одна из этих гипотез заключалась в том, что пространство и время, в которых мы почти инстинктивно стремимся разместить все наши ощущения, представляют собой жёсткий и неизменный каркас, в котором каждое физическое событие может быть в принципе строго локализовано, независимо от всех динамических процессов, происходящих вокруг него» [Маклюэн 2005, с. 10].

Так же в целом строилась и концепция Маркса, когда принцип развития общественных формаций был линейным и развивался в одном направлении, как будто бы его кто-то задал. Мир и физический, и общественный оказался разнообразнее, с возвратами и ответвлениями, не укладывающимся в схемы.

Книгопечатание покончило с анонимностью, которое было неизбежным следствием рукописной культуры, в которой автор и переписчик могли полностью слиться, а рукописи компоновались таким образом, что внутри неё могли смешиваться совершенно различные авторы. Происходит рождение автора как индивидуальности, претендующей на собственное авторство, заявляющей об этом другим и отстаивающей своё авторство, появляется в эпоху книгопечатания.

«Книгопечатание дало толчок развитию индивидуализма и стремления к самовыражению в обществе. Оно способствовало формированию привычек к частной собственности, уединению и другим формам индивидуальной "замкнутости". Наконец, совершенно очевидно то, что печатная публикация стала средством завоевания славы и увековечения памяти о себе» [Маклюэн 2005, с. 196].

МИРОНОВ В.В. ПИСЬМЕННОСТЬ И КНИГОПЕЧАТАНИЕ КАК ФУНДАМЕНТ КЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

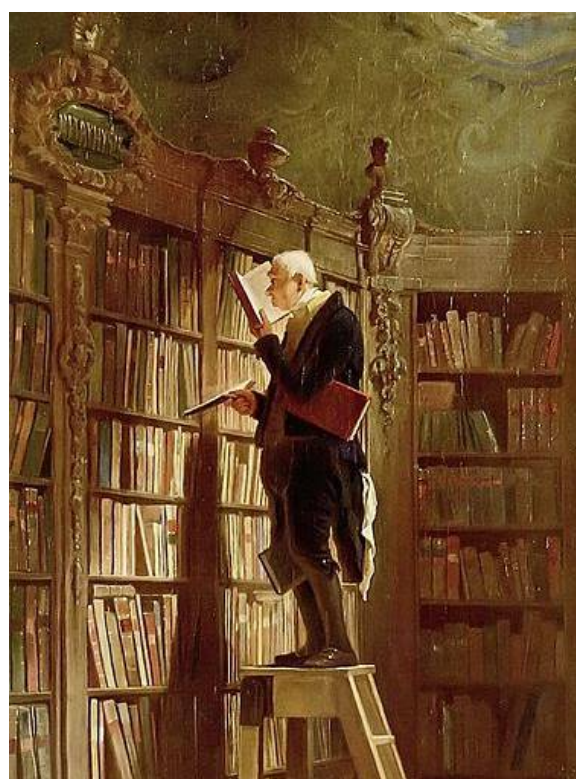

Скрипторий на миниатюрах из Кодекса Амиатинус (до 716 г., слева) и из рукописи Ива из Сен-Дени (Yves de Saint-Denis) «Жизнь и мученичество святого Дионисия и его соратников на латинском и французском языках» (1317 г., справа)

Типография. Гравюра Теодора Галле по рисунку Йоханна Страдануса. XVI в.

Сегодня, уже в электронной культуре, мы, напротив, наблюдаем «смерть автора», ибо в пространстве Интернета автор не важен и исчезает, а переписчиком становится сама анонимная технология хранения и размещения информации. Процесс развития ещё раз демонстрирует развитие по спирали, с сохранением на более высокой стадии черт предыдущего на новом уровне, в данном случае технологического развития.

Письменная и книгопечатная культуры удобны, так как значительно экономят время, но они серьёзным образом влияют на изменение характера образования, в основе которого (по нарастающей) лежит принцип выработки умения находить нужный материал (на полке, а затем в Интернете), а не обладать внутренним знанием, или, по Сократу, мудростью.

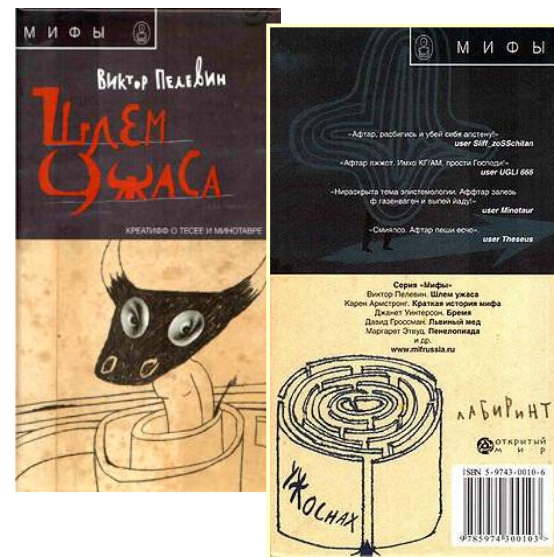
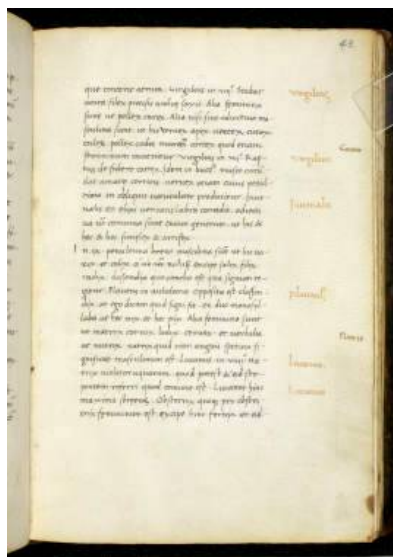

Слева — фрагмент картины Карла Шпицвега «Книжный червь» (ок. 1850 г.).

Слева — фотография современных студентов во время аудиторных занятий из коллекции американского фотоагентства Getty Images. Фото с сайта <http://www.gettyimages.com/detail/photo/students-in-a-classroom-with-notebook-computers-royalty-free-image/79474215>.

Но одновременно это замыкает наше изложение в рамках грамматики. Мы начинаем мыслить грамматическими формами, перенеся грамматику в саму реальность. В каком-то смысле по законам грамматики мы трансформируем окружающее нас бытие. Фонетический алфавит, законы грамматики, зафиксированные в растиражированных печатных образцах, оказывают влияние на наше сознание и мировоззрение.

Миронов В.В. Письменность и книгопечатание как фундамент классической культуры

Страница грамматики латинского языка «Compendium artis grammaticae», XV в.

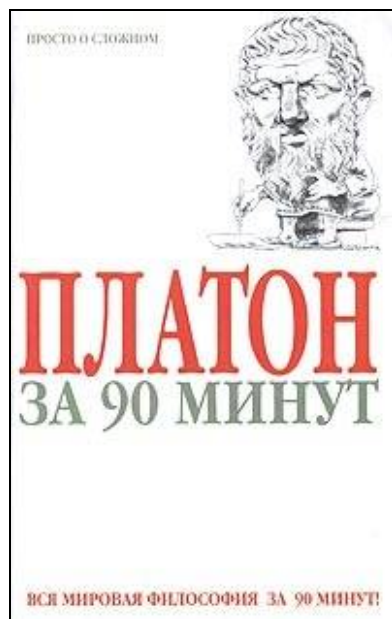
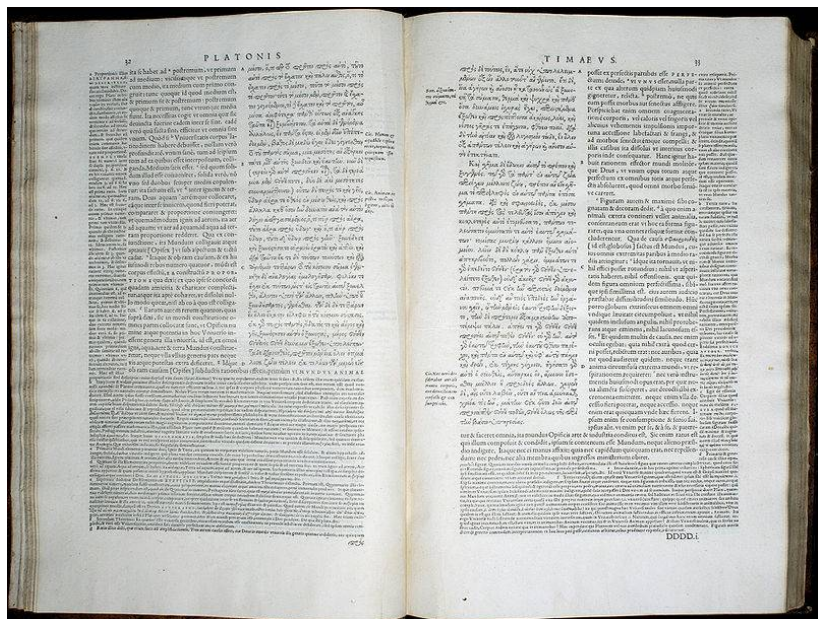
Слева — титульный лист «Грамматики» Лаврентия Зизания, 1596 г., справа — разворот «Грамматики» Мелетия Смотрицкого, 1618—1619 гг.

Первая (слева) и четвертая (справа) страницы обложки романа В. Пелевина «Шлем ужаса. Креатифф о Тесее и Минотавре» (2005) с имитацией «отзывов» о книге («Афтар, расбигись и убей себя апстену! // user Sliff_zoSSchitan; Афтар лжжот. Имхо КГ/АМ, прости Господи! // user UGLI 666; Нираскрыта тема эпистемологии. Аффтар залезь ф газенваген и выпей йаду! // user Minotaur; Смялсо. Афтар пеши есчо. // user Theseus»)

Фото с сайта <http://cdm.csbsju.edu/cdm/compoundobject/collection/SJRareBooks/id/19965/rec/21>

Так же происходит и сегодня, в связи с увеличением в современной системе образования различного рода визуальных технологий (презентации и пр.). Это не просто реакция на необходимость использования новых технических достижений. Причины лежат гораздо глубже. Человек начинает приобщаться к электронным средствам информации очень рано, фактически на стадии формирования устной речи, грамотности. Такое раннее приобщение способствует в большей степени визуализированию запоминаемых понятий в виде образов. Картинка (изначально в виде комикса) становится первичной по отношению к словам и буквам. И когда человек переходит на более серьезную стадию обучения, например, в университете, которое строится по канонам классического образования печатной культуры, ему гораздо тяжелее к этому адаптироваться. А учитывая темп технологических изменений и новых возможностей, образование, которое осуществляется преподавателями и профессорами, воспитанными в старой печатной культуре, осваивается более трудно. Отсюда тяга к образовательным комиксам типа «Платон за 90 минут», «Хайдеггер за 60 минут» и т.п. В результате не ученик подтягивается к знанию, а знание адаптируется под возможности ученика. Мы говорим о всеобщей грамотности как необходимом условии образованного человека. Но так ли это? Или — уточним вопрос — всегда ли так будет? Всегда ли общество будет этого требовать?

«Наше время — это ранняя стадия эпохи, для которой печатная культура становится такой же чуждой по своему смыслу, какой рукописная культура была чужда восемнадцатому столетию... Мы первобытные люди новой культуры» [Маклюэн 2005, с. 201—202].

Слева — разворот третьего тома двуязычного (греко-латинского) комментированного издания сочинений Платона, выпущенного в 1578 г. парижским издательством «Стефанус» (основатель — парижский издатель и печатник Робер Этьен, Robert Estienne, в латинизированном виде Stephanus — Стефан, 1503—1559).

Справа — обложка книги Пола Стретерн «Платон за 90 минут», вышедшей в 2003 г. в московском издательстве АСТ-Астрель в серии «Вся мировая философия за 90 минут».

Книгопечатание упорядочивает мир, но любое упорядочивание — это идеализация с элементами искажений. Мир ста-

МИРОНОВ В.В. ПИСЬМЕННОСТЬ И КНИГОПЕЧАТАНИЕ КАК ФУНДАМЕНТ КЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

новится воспринимаемым линейно и реализуется в формулах. Постепенно книгопечатание выкристаллизует печатную культуру (или период печатной культуры), на базе которой выстраивается то, что мы сегодня обозначаем как классическая модель культуры. Она непосредственно связана с текстом; с напечатанным текстом, пока ещё не важно, в бумажном или электронном носителе. Хотя сразу следует сказать, что «носитель» (форма хранения) информации неизбежно окажет воздействие и на характер её содержания. Как книгопечатание оказало влияние на литературу, так и электронные системы неизбежно повлекут изменение печатной культуры, вплоть до её исчезновения. Электронная культура приводит к доминированию образа или даже картинке, изначально в простой форме, как, например, картинка, позволяющая нам разыскать в любой стране туалет, до сложных конструкций виртуальных образов, что уже осуществляется компьютером.

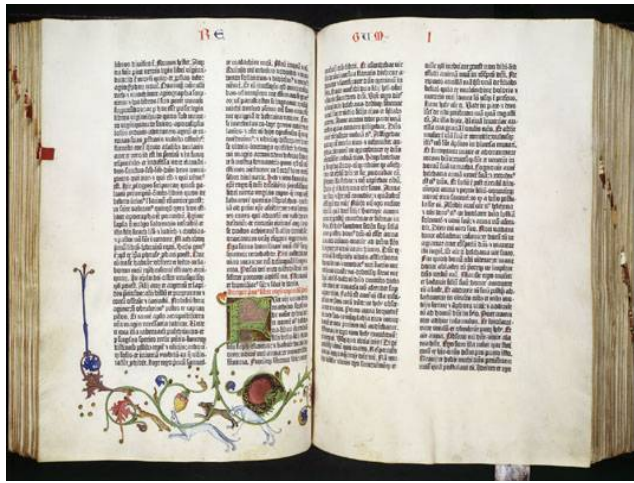
Главной особенностью печатной культуры становится то, что она является массовой. Именно с этого момента, то есть с 1445 года, можно говорить, отмечает Петер Винтерхофф-Шпурк, о начале развития современных масс-медиа — и приводит впечатляющие и сегодня темпы нарастания технологии книгопечатания:

«Первые книги, напечатанные по этой технологии, впервые появились в Париже и Венеции в 1470 году, в 1471 такие книги появились в Неаполе, в 1473 — в Левине и Леоне, в 1474 году — в Кракове, а в 1479 году — в Потире. В 1500 году собственные типографии были уже в 236 европейских городах. При среднем тираже 1000 экземпляров в XV—XVI веках появилось уже около 140000—200000 новых изданий с общим тиражом около 140—200 млн. экземпляров. Кроме того, в небольшом объеме, но большим тиражом стали производить и другую печатную продукцию, например, издания на одном листе, листовки, прокламации, что, в конце концов, привело к созданию первых регулярно выпускаемых газет, которые состояли из 8 страниц. Так, в 1605 году первая такая газета появилась в Страсбурге и называлась "Relation", а в 1609 году похожая газета под названием "Aviso" вышла в Вольфенбюттеле. Подобные печатные издания появились в Нидерландах (1618), Испанских Нидерландах (1620), Англии (1621), Швейцарии (1622), Франции (1631), а также Италии (1643), а несколько позже — в Швеции (1645), Испании и Польше (1661), в США (1690) и России (1703) — почти спустя 100 лет после выхода в свет "Relation". Первую ежедневную газету мир увидел в 1650 году. Это произошло в Лейпциге, газета называлась "Einkommende Zeitungen". В конце XVII века в Германии выпускалось уже 70 газет, средний тираж — около 400 экземпляров. Один экземпляр приходился на 10 читателей, и, таким образом, число читателей достигло внушительных размеров и составляло 280000 человек... Новое качество пресса приобрела благодаря следующей технологическим инновациям. В 1811 году было изобретено быстропечатающее устройство, в 1865 году француз Мариони (Marinoni) запатентовал ротационную машину, которая сделала возможной ротационную печать, а в 1884 году американец Мергенталер (Mergenthaler) изобрел наборную машину линотип. Благодаря этим изобретениям, а также ряду других изменений связи (например, изобретению в 1895 году беспроводного телеграфа), в конце XIX века пресса приобрела массовый характер. Так, в 1836 году французский издатель Жирардин (Girardin) вынужден был снизить отпускную цену на выпускаемые им газеты в два раза, ввести рубрику «роман с продолжением», как приманку для публики, и оставшуюся часть финансировать за счёт объявлений. Только благодаря этим предпринятым мерам он смог увеличить тираж от нескольких до 20000—30000 тысяч продаваемых экземпляров. Ещё более высокого тиража смогла достигнуть в США "Penny-Press", придерживаясь подобных же принципов. Если в 1825 году это издательство выпускало только 100 иллюстрированных тематических журналов, то в 1850 году их было уже 600. Это количество возросло до 3500 в 1900 году, причем общий тираж составлял 65 миллионов экземпляров — «журнальная революция» ("magazine revolution"). В Германии мы можем наблюдать аналогичную ситуацию. В 1898 году издатель Уллштейн (Ullstein) основал ориентированную на левое движение газету "Berliner Morgenpost", а в 1904 году — первую большую газету, которая продавалась на улицах города, "Vzammittag"... новые изобретения попросту начали захлестывать человечество, о чем писал Шрамм в своей статье под названием "Что значит большой промежуток времени?". Всю историю человечества он принял за сутки (24 часа) и выделил те моменты времени, в которые были изобретены технологии коммуникации. Например, речь появилась в 21 час 33 минуты, письмо — в 23 часа 52 минуты. Первую книгу мир увидел в 23 часа 58 минут, а через минуту с небольшим, в 23 часа 59 минут и 14 секунд, уже появился печатный станок с подвижными буквами — изобретение Гутенберга. Через 33 секунды люди получили радио и телевидение» [Винтерхофф-Шпурк 2007, с. 50—53].

Миронов В.В. Письменность и книгопечатание как фундамент классической культуры

Монах-переписчик.
Маргиналия рукописи
XII в.

Разворот первой печатной книги —
«Библии» Иоганна Гутенберга.
1450—1455 гг.

Читатели газет в поезде.
Фото 1850

Бизнесмен читает новости на
цифровом планшете. Первая чет-
верть XXI в. Фото со стока
http://ru.123rf.com/photo_1122512_5_stock-photo.html

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Сергей Аверинцев. Образ античности. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 106—149.
2. Бах А. История немецкого языка. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1956.
3. Винтерхофф-Шпурк П. Медиапсихология. Основные принципы. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.
4. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002.
5. Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. М.: Изд-во Аллегро-Пресс, 1997.
6. Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб.: Александрия, 2008.
7. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.
8. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. М.: Академический проект, 2005.
9. Эко У. Имя Розы. СПб.: Симпозиум, 2004.
10. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: ALEXANDRIA, 2007.
11. Assmann A. "The Printing Press and the Internet: From a Culture of Memory to a Culture of Attention." *Globalization, Cultural Identities, and Media Representations*. Eds. N. Gantz and S. Kramer. Albany: State University of New York Press, 2006, pp. 11—23.
12. Hindman S.L., ed. *Printing the Written Word: The Social History of Books circa 1450—1520*. Ithaca: Cornell University Press, 1991.
13. Lacroix P. *Science and Literature in the Middle Ages and the Renaissance*. New York: Frederick Ungar Publishing Co., 1964.
14. McCaw N. "Close Reading, Writing and Culture." *New Writing* 8.1 (2011): 25—34.
15. McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York: McGraw Hill, 1964.
16. Porter D. *Internet Culture*. London and New York: Routledge, 1997.
17. Steinberg S.H. *Five Hundred Years of Printing*. London: British Library and Oak Knoll Press, 1996.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Миронов, В. В. Письменность и книгопечатание как фундамент классической культуры [Электронный ресурс] / В.В. Миронов // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2015. — Т. 10. — Вып. 1: Пространство и время текста — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-arovr_e-ast10-1.2015.11.

WRITING AND BOOK-PRINTING AS THE FOUNDATION OF CLASSICAL CULTURE

Vladimir V. Mironov, D.Phil., Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Science, Dean of the Philosophical Department of Lomonosov Moscow State University; Head of Chair of Ontology and Theory of Knowledge, MSU Philosophical Department.

E-mail: dean@philos.msu.ru

Modern man's dipping into electronic communicative environment that characterizes the 21st century, is increasingly recognized as a cultural gap. This is particularly acute raises the question of previous stages of oral speech dominance, transition to writing and printing as a fundamentally different types of bases of culture formation.

In my article, using culturological approach I discuss a number of issues specific to the epoch of the classical culture formation. In particular, I analyze (in the framework of philosophy of language) some questions of correlation between both oral speech and writing, and print culture and electronic one.

I consider print culture as the substantial foundation of classical one, the foundation of which is text. In my article, I show the formation of the classical culture leads into formation of culture 'in general', which, in turn, can be interpreted as 'text with capital T.'

Emerged writing forms a new intellect type different from the epoch of oral text. Writing becomes a mediator between the world and man. So, in my article, I spend the idea that a person begins to see the world through the prism of grammar and thus estranges himself from the living being. Finally, I represent arguments that allow me to suggest: in some ways, modern man comes back to some elements of the pre-literate culture, which is reflected in the growing importance of process of visualization and virtualization of modern communication. I trace how these processes affect the education system.

I conclude classic model of culture is directly related to the printed text, and yet no matter, in paper or electronic media this text is saved. However, the 'carrier' (storage media) of information will inevitably exert an impact on the nature of its content. As to letterpress had an impact on literature, and electronic systems will inevitably lead to changes in print culture.

Keywords: writing, printing, classical culture, text, communication, e-culture, print culture, intelligence, sense of the word, grammar, event, fixing of semantic content, linguistic space, education.

References:

1. Assmann A. "The Printing Press and the Internet: From a Culture of Memory to a Culture of Attention." *Globalization, Cultural Identities, and Media Representations*. Eds. N. Gantz and S. Kramer. Albany: State University of New York Press, 2006, pp. 11 – 23.
2. Averintsev S.S. "Classical Greek Philosophy as a Phenomenon of Historical and Literary Series." *Image of Antiquity*. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publisher, 2004, pp. 106 – 149. (In Russian).
3. Bach A. *History of the German Language*. Moscow: Inostrannaya literature Publisher, 1956. (In Russian).
4. Eco U. *The Name of the Rose*. St. Petersburg: Symposium Publisher, 2004. (In Russian).
5. Eco U. *The Search for the Perfect Language*. St. Petersburg: ALEXANDRIA Publisher, 2007. (In Russian).
6. Hindman S.L., ed. *Printing the Written Word: The Social History of Books circa 1450 – 1520*. Ithaca: Cornell University Press, 1991.
7. Lacroix P. *Science and Literature in the Middle Ages and the Renaissance*. New York: Frederick Ungar Publishing Co., 1964.
8. Le Goff J. *Intellectuals in the Middle Ages*. Moscow: Allegro-Press Publisher, 1997. (In Russian).
9. Le Goff J. *Medieval Civilization, 400 – 1500*. Moscow: Progress Publisher, Progress-Akademiya Publisher, 1992. (In Russian).
10. Le Goff J. *The Birth of Europe*. St. Petersburg: Alexandria Publisher, 2008. (In Russian).
11. Le Goff J. *Time, Work, and Culture in the Middle Ages*. Ekaterinburg: Ural University Publisher, 2002. (In Russian).
12. McCaw N. "Close Reading, Writing and Culture." *New Writing* 8.1 (2011): 25 – 34.
13. McLuhan M. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Moscow: Akademicheskyy proekt Publisher, 2005. (In Russian).
14. McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York: McGraw Hill, 1964.
15. Porter D. *Internet Culture*. London and New York: Routledge, 1997.
16. Steinberg S.H. *Five Hundred Years of Printing*. London: British Library and Oak Knoll Press, 1996.

МИРОНОВ В.В. ПИСЬМЕННОСТЬ И КНИГОПЕЧАТАНИЕ КАК ФУНДАМЕНТ КЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

17. Winterhoff-Spurk P. *Media Psychology: An Introduction*. Kharkov: Gumanitarny tsentr Publisher, 2007. (In Russian).

Cite MLA 7:

Mironov, V. V. "Writing and Book-Printing as the Foundation of Classical Culture." *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya: 'Prostranstvo i vremya teksta'* [Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time: Space and Time of Text] 10.1 (2015). Web. <2227-9490e-aprov_r_e-ast10-1.2015.11>. (In Russian).